

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

стихотворения

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В64

Вознесенский, Андрей Андреевич.
В64 Стихотворения / Андрей Вознесенский. —
Москва : Эксмо, 2023. — 416 с.

ISBN 978-5-04-112701-5

«Андрей Вознесенский ворожит-завораживает, иронизируя, играя, перетекая через ритм от звука, намека и недомолвок к всепоглощающему смыслу в пространстве собственных слов и строф», — писал Эрнст Неизвестный. Поэтические озарения Вознесенского вспыхивают в пространстве обыденной жизни, но этим они еще более ценны. Эксперименты в области звуковых метафор, видеом, кругометров не умаляют силы нежного и трагического лиризма поэзии знаменитого «шестидесятника». Автор либретто к знаменитой рок-опере «Юнона» и «Авось», всенародно любимых романсов «Сага», «Белый шиповник», песен, среди которых «Миллион роз», «Ты меня никогда не забудешь...», «Вальс при свечах», «На бис», «Часы»... Андрей Вознесенский — мастер метафорической игры, неизменно поражающий читателя новизной и уверенностью своих стихотворений, лучшие из которых вошли в эту книгу.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

- © Вознесенский А.А., наследники, 2023
- © Трубников Г.И., предисловие, 2023
- © Кошелев В.А., составление, 2023
- © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-112701-5

Я ЧИТАЮ ВОЗНЕСЕНСКОГО

(газета «Час пик», май 1993 года)

Нам все еще не до поэзии. Это не в укор сказано. В самом деле, просто ни на что не хватает времени. Мы действительно заняты более насущными делами. Я и сам уже лет шесть почти не читаю Вознесенского.

А прежде я читал его примерно раз в месяц. Читал перед разными аудиториями — в школах, в общежитиях, в книжных магазинах, в литературных объединениях, в клубах и красных уголках, в библиотеках.

Как описать то состояние, которое испытываешь после двух-трех часов чтения, когда видишь глаза слушателей — отрешенные, восторженные, тревожные. В них уже проникло это чародейство, они уже никогда ни с кем не спутают Вознесенского, они будут искать сбор-

ники и публикации, переписывать стихи, читать их друзьям.

Сколько раз после окончания вечера подходили люди и полушепотом спрашивали: «Неужели все это напечатано?» Они чувствовали, что все ими сегодня услышанное является кримолой, чем-то недозванным, что такие стихи подтачивают основы.

Позорно знать неправду и не назвать ее,
а назвавши, позорно не искоренять,
позорно похороны называть свадьбою,
да еще кривляться на похоронах.

(«Авось!»)

Или:

За что ты бьешь, дурак господен?
За то, что век твой безысходен!
Жена родила дурачка.
Кругом долги. И жизнь тяжка.
А ты за что, царек отечный?
За веру, что ли, за отечество?

За то, что перепил, видать?
И со страной не совладать!

(«Сон Тараса»)

Произнося последнюю фразу, я, войдя в роль, разыскивал глазами на стене обязательный для учреждений культуры официальный портрет и адресовал реплику насчет отечности и отечества непосредственно ему. После этого уже и самому недогадливому слушателю становилось ясно, что в стихотворении идет речь не только и не столько о XIX веке и Тарасе Шевченко, сколько о наших царьках, о нашем времени, обо мне самом и, стало быть, о человеке, который был тысячу лет назад и будет через тысячу лет.

Я бы даже не назвал это эзоповым языком. Все это делалось напоказ, Вознесенский явно дразнил своих цензоров. Все эти Монологи — битника, актера, Резанова, Мэрилин Монро, наконец, сингапурского шута — все это так прозрачно, в особенности в контексте всего творчества, пропитанного непринятием тоталитарной

системы, что и мне часто хотелось спросить: «Как же это напечатали?»

Герцен так сказал об этом: «Надо сказать, что цензура чрезвычайно способствует развитию слога и искусства сдерживать свою речь. Человек, раздраженный оскорблявшим его препятствием, хочет победить его и почти всегда преуспевает в этом. Иносказательная речь хранит следы волнения, борьбы; в ней больше страсти, чем в простом изложении. Недомолвка сильнее под своим покровом, всегда прозрачным для того, кто хочет понимать. Сжатая мысль богаче смыслом, она острее; говорить так, чтобы мысль была ясна, но чтобы слова для нее находил сам читатель, — лучший способ убеждать. Скрытая мысль увеличивает силу речи, обнаженная — сдерживает воображение. Читатель, знающий, насколько писатель должен быть осторожен, читает его внимательно; между ним и автором устанавливается тайная связь; один скрывает то, что он пишет, а другой — то, что понимает. Цензура — та же паутина: мелких мух она ловит, а большие ее прорывают. Намеки на личности, нападки умирают под красными чернилами; но

живые мысли, подлинная поэзия с презрением проходят через эту переднюю, позволив, самое большое, немного себя почистить».

В итоге, когда в новые времена литераторы извлекли «из стола» ненапечатанное, выяснилось, что Вознесенский напечатал, наверное, практически все, что хотел. Другой вопрос, как ему это давалось. Это еще предстоит изучить. Но стыдиться ему нечего. Разве что поставят в укор «Лонжюмо»...

В 1970 году, когда отмечался ленинский юбилей, мы у себя в институте вывесили стенгазету длиной метров в пять, целиком состоящую из кусков ленинских работ. Неделю у газеты стояла толпа. Парткомовские волки класцали зубами, но ничего не могли сделать. С одной стороны — явная крамола («коммунисты, которых надо вешать на поганных веревках», «партия у власти защищает своих мерзавцев», «товарищ Троцкий защитит мою позицию не хуже меня», и т. д.), с другой стороны — это же Ленин!

Кроме ленинских текстов в этой газете были стихи Пастернака и Вознесенского. Обращение

к Ленину в 60-е годы было мощным оружием в борьбе против сталинизма, против тупости, против партийной олигархии. Здесь и не пахло ренегатством. Это был совершенно необходимый этап в развитии общественного сознания. Это был шаг к свободе.

Все прогрессы реакционны,
если рушится человек!

<...>

Но почему ж тогда, заполнив Лужники,
мы тянемся к стихам, как к травам
от цинги?

(«Оза»)

Десятки тысяч слушателей Лужников и Октябрьского зала, сотни тысяч читателей сборников Вознесенского искали и находили дух свободомыслия, традиционную для русской поэзии «тайную свободу».

На него писали тайные и публичные доносы, его выгонял из страны взбешенный Первый, каждая его публикация подавалась как одолже-

ние интеллигенции, его сборники «не замечались», не рецензировались, его оскорбительным образом вскользь упоминали наряду с заурядностями, его имени не было среди двух десятков современных поэтов, рекомендуемых школьникам в учебниках литературы.

Да, он не повторил горькой участи Бродского, его печатали и выпускали за границу, и он возвращался. Но ставить в укор Поэту, что он жил одной жизнью со своим народом, — бессовестно. Судьба Художника всегда неповторима.

Поэт не имеет опалы,
спокоен к награде любой.
Звезда не имеет оправы
ни черной, ни золотой.
Звезду не убить каменюгами,
Ни точным прицелом наград.
Он примет удар камер-юнкерства,
посетует, что маловат.
Важны не хула или слава,
а есть в нем музыка иль нет.

Опальны земные державы,
Когда отвернется поэт.

(«Звезда над Михайловским»)

Опубликовать такие стихи как раз в тот момент, когда решается вопрос о присуждении Государственной премии, — это для Вознесенского характерно.

Крамола не в политическом намеке, не в обличении личности или правительства. Цензура бессильна перед самой поэтикой. Можно, конечно, заставить поэта заменить в строке слово, при этом пропадет прямой выпад, но исчезнет ли крамола? Обратимся к примеру.

Опять надстройка рождает базис.
Лифтер бормочет во сне Гельвеция,
Интеллигенция обуржуазилась,
родилась люмпен-интеллигенция.

Есть в русском «люмпен» от слова «любят».
Как выбивались в инженера,
из инженеров выходит в люди
их бородатая детвора.

<...>

Из инженеров выходят в дворники.

Кому-то надо страну мести.

(«Люмпен-интеллигенция»)

В первых изданиях этого стихотворения вместо «страну мести» было «землю мести». Подлинный текст восстановлен Вознесенским только в новые времена. Удар цензора был, как видим, точен: вместо глубинного исследования путей интеллигенции стихотворение вроде бы сводилось к бытовой зарисовке. Но почему-то ничего не получилось. Весь строй стихотворения, начиная с запева «Опять надстройка рождает базис», побуждает к философскому осмыслению бытового факта. В наметившейся тенденции ухода интеллигенции из престижных профессий Вознесенский увидел стремление к независимости от государства, бунт, зачатки будущей оппозиции.

Все мы все поняли, тем более, что в своих публичных выступлениях Вознесенский произносил именно «страну мести».

Многое из сказанного Вознесенским лет двадцать назад настолько обогнало время, что и сегодня воспринимается как крамола.

Родины разны, но небо едино,
Небом единым жив человек.

(«Васильки Шагала»)

Покушение на патриотизм. То, что эти стихи вызвали ярость «патриотов мнимых», — это понятно. Но и нормальному человеку трудно пережить в себе эту драму идей. Где, увы, История и Жизнь противопоставляют друг другу национальное и общечеловеческое. «Нет элина, нет иудея». Тот, кто впервые это произнес, был распят патриотически настроенными соплеменниками. Но и спустя две тысячи лет такое даром не проходит: политика приговорят к высылке, проповедника — к забвению.

Всегда актуальный, Вознесенский всегда оказывается хоть на полшага, но впереди общественного сознания. Когда-то замечательный критик-шестидесятник В. Турбин заметил, что истинным учителем Вознесенского является

Рабле. На первый взгляд это выглядело натяжкой. Лишь теперь понимаешь, что тогда Вознесенский вместе со всей страной, и, как всегда, немного впереди, переживал период Ренессанса, освобождаясь от коллективистского аскетизма, от того, что теперь называют «совковостью».

Потом пришло трагическое мироощущение, рожденное глубоким осознанием исторического пути России. И исподволь пробивалась вера — от пантеизма до православия. Эту тему — Вознесенский и христианство — предстоит разрабатывать критикам следующего века, сегодня на нее силенок не хватит.

Избегаю понятия «литература»,
но за дар твоей речи
отдал голову с плеч.
Я кому-то придурок,
но почувствовал шкурой,
как двадцатый мой век
на глазах
превращается
в Речь.
Его темное слово,